

**ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ОРЛОВСКОГО ЦЕНТРАЛА
— в ПРЕЗИДИУМ ВЧК**

<Лето 1921>

«Копия

В Президиум ВЧК

от членов РСДРП и Бунда,
заклученных в Орловском
Централе.

Заявление

Независимо от вопроса о нашем освобождении из тюрьмы, о чем нами последний раз сделано заявление в Президиум ВЦИК и Совнаркома 22 августа, мы вынуждены настоящим обратить внимание ВЧК на невозможность нашего дальнейшего оставления в Орловском Централe в связи с наступающей осенью, на необходимость нашего перевода из Орла в Москву для 18 с<оциал>-д<емократов>, арестованных в Москве, и в Харьков — для 24 с<оциал>-д<емократов>, арестованных в разных пунктах Донбасса.

Мотивы в пользу нашего перевода из Орла сводятся в основном к следующему:

1). Тюрьма совершенно не оборудована в смысле освещения: нет ни электричества, ни керосиновых ламп, — и уже сейчас после поверки камеры погружаются в абсолютную темноту, — осенью мы с 5-6 часов будем обречены на темноту, и никаких надежд на оборудование освещения здесь не существует.

2). Дров в резерве тюрьма не имеет, в прошлом году тюрьма почти не отапливалась. Центральное отопление, если и будет иногда действовать, то лишь в той мере, чтобы не дать окоченеть. Камеры на одной стороне занимаемого нами корпуса сырые и расположены против ветра.

3). В нашей среде большой % больных, для которых осень несет на почве недоедания окончательную гибель. Не говоря уже о том, что фактически никакой врачебной и лекарственной помощи больные здесь не получают, — суровый тюремный режим (стрельба в окна и прочее), скверный воздух одиночек и голодный паек подрывают последние силы туберкулезных, сердечных, малокровных больных и слабых, — осеннее ненастье в этих условиях их окончательно доконает.

4). У большинства из нас здесь нет теплой одежды, нет обуви, которая уже изнасилась; рассчитывать на получение этих вещей всеми нуждающимися от своих близких не приходится, т<ак> к<ак> ездить в Орел представляется делом трудным, а часто и неосуществимым для многих родных-служащих. Без обуви, без теплой одежды, одеял, пальто наступающие холодные месяцы окажутся не по силам нам всем и могут сопровождаться в здешних условиях многочисленными заболеваниями.

5). Голодный паек при отсутствии передач с воли явно недостаточен, и уже сейчас за истекшие 6 месяцев нашего заключения привел к общему изнурению. Если власти не в состоянии вообще поднять питание политических заключенных или не считают нужным озаботиться этим, — единственный путь сохранения нашего здоровья и жизни, — это дать возможность нашим семьям усилить наше продовольствие собственными средствами. Здесь в Орле, будучи оторваны от своих семей, мы обречены

испытывать хронический голод только потому, что ездить сюда крайне трудно, а часто и невозможно.

б). Высокий ж<елезно>д<оружный> тариф окончательно лишил возможности наших близких хоть изредка ездить к нам на свидание. Переписка на зоне невозможна, т<ак> к<ак> письма по разным инстанциям залеживаются по месяцам. Таким образом здесь в Орле мы фактически оторваны от своих, не видим их, не знаем об их судьбе, не получаем от них никакой помощи и живем в вечном беспокойстве и тревоге за них.

На основании изложенных мотивов мы возбуждаем вопрос о переводе москвичей в Москву, а донбассцев — в Харьков. В этих центрах относительное благоустройство тюрем все-таки обеспечит нас на предстоящую осень теплом и освещением. Наши больные смогут получить какое-нибудь лечение. Мы будем иметь возможность, благодаря близким людям, запастись обувью и теплой одеждой, получать продовольственные передачи и видаться с родными. Даже для иногородних пребывание в Москве и Харькове облегчит возможность их сношения с близкими и улучшение условий существования. С наступлением осени пребывание в Орле невозможно. Просим срочно разрешить настоящий вопрос.

По поручению заключенных, с<оциал>-д<емократов>:

Староста: <подпись>, член ЦК Бунда,

<А. Светицкий>

<В. Ауссем>

<А. Шурле>»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 39. Л. 24-24 оборот. Автограф.